

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГО-АКСИОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Н.Н. АЛЕКСЕЕВА О ПРАВЕ

THE IDEA OF JUSTICE IN N.N. ALEKSEEV'S PHENOMENOLOGICAL AND AXIOLOGICAL DOCTRINE OF LAW

E. Kulikov

Summary. The article examines N.N. Alekseev's doctrine of law in terms of reflecting the idea of justice in it. The phenomenological and axiological interpretation of justice carried out by the thinker is reconstructed. A comparative analysis of the position of N.N. Alekseev with the views on justice of other representatives of both domestic (I.A. Ilyin) and foreign (J. Rolls) legal thought is carried out. It is concluded that N.N. Alekseev formulates a legal interpretation of the idea of justice as a reflection of the hierarchical order of values existing in society.

Keywords: the idea of justice, the idea of law, freedom, the phenomenology of law, legal values.

Куликов Егор Алексеевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул)
kulikoveg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается учение Н.Н. Алексеева о праве в части отражения в нём идеи справедливости. Реконструируется осуществляемая мыслителем феноменологическая и аксиологическая трактовка справедливости. Проводится сравнительный анализ позиции Н.Н. Алексеева со взглядами на справедливость других представителей как отечественной (И.А. Ильин), так и зарубежной (Дж. Ролз) правовой мысли. Делается вывод о том, что Н.Н. Алексеев формулирует юридическую трактовку идеи справедливости как отражения существующего в обществе иерархического порядка ценностей.

Ключевые слова: идея справедливости, идея права, свобода, феноменология права, правовые ценности.

Проблема справедливости исторически сопутствовала идее права и традиционно рассматривается как в общетеоретических и философско-правовых, так и в отраслевых юридических научных трудах. В.В. Мальцев, например, отмечает, что в истории философии справедливость рассматривалась как охватывающее все стороны общественной жизни и определяющее общественные устои социальное явление, возникающее, существующее и изменяющееся исключительно в результате социального развития конкретно данного общества [10, С. 47–48]. А.В. Поляков определил право в его ценностном аспекте как «справедливо упорядоченную свободу субъектов коммуникации» [12, С. 333]. Дж. Ролз весьма ёмко отметил, что «справедливость — это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли» [13, С. 19]. В.П. Малахов указывает: «Справедливость — сверхзадача права, ориентир, основание, но не механизм и не средство, не аппарат придания решениям справедливости» [9, С. 209]. В.В. Кожевников при рассмотрении принципов права, пишет, что «в справедливости заложена оценка правового факта (события, действия) или с точки зрения общечеловеческих ценностей, или с точки зрения (позиции) общества на соответствующей ступени развития» [7, С. 84].

В литературе применительно к феноменологическому учению Н.Н. Алексеева о праве отмечается, что «система реализованных в праве ценностей может быть

рассмотрена в качестве содержательного аспекта правовой идеи, при этом основной правовой ценностью Н.Н. Алексеев считает не личность, а справедливость» [15, С. 203]. Как указывает С.М. Гранкин, «принцип социальной справедливости лежит в основании всех теоретических построений Н.Н. Алексеева, и особенно явно обнаруживается в его конкретных аксиологических, идеологических, политических и экономических разработках», «справедливость представляет собой основную аксиологическую категорию, определяющую иерархический порядок всех возможных ценностей» [5, С. 5]. Закономерно при этом, что именно вопросом о справедливом гарантийном государстве Н.Н. Алексеев завершает разработанную им теорию государства [4, С. 602–605].

Прежде всего Н.Н. Алексеев обращается к формуле «воздать всякому не в ущерб другому». «Вдумываясь в содержание этой формулы, — пишет Н.Н. Алексеев, — нельзя не видеть, что справедливость мыслится как некоторый порядок отношений, в котором каждому члену принадлежит своё место и каждому причитается то, что ему принадлежит. Идея такого порядка мыслится как некоторая целостность, как органическая связь... Каждый справедливый порядок есть идеальный организм. В нём каждый член, имея причитающееся ему, не может не стоять в отношениях ко всем другим, не может быть не связан с ними органической связью. Глубочайшей основой идеи справедливости является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к дру-

гу ценности, — мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства. Правильное отношение этих степеней и есть отношение справедливое» [3, С. 114–115]. Идея справедливости есть идея исключительно аксиологическая, при этом сама справедливость, будучи проявлением ценностного порядка, подразумевает и определенную иерархию ценностей, т.е. их соизмеримость и соразмерность. «Справедливость — пишет В.П. Малахов, — не всеобщее благоденствие, а специфическое распределение отношений между людьми сообразно или противно их цели, желанию, требованию справедливости, права и т.д.» [9, С. 211]. В то же время, будучи явлением иерархическим, справедливость, по мнению Н.Н. Алексеева, не может выступать как явление математическое, что он показывает, сравнивая понятие справедливости с понятием истинности.

Мыслитель, в частности, отмечает, что «несправедливость есть ошибка особо квалифицированная, обладающая особыми качествами. Так, например, награда ничем не отличившегося солдата знаком отличия за храбрость или увенчание высшей наградой за храбрый поступок среднего качества являются деяниями несправедливыми. Деяния эти могут основываться на ошибке, но могут проистекать и из сознательного намерения. Справедливость по идее своей есть, следовательно, истинная мера относительного достоинства ценностей. Эти последние и суть элементы всякого справедливого порядка» [3, С. 115]. В этом понимании справедливости чувствуется внутренний, духовный оценочный аспект, справедливость есть не просто мера достоинства ценностей, но мера, проистекающая из восприятия этих ценностей их носителями. Таким образом, Н.Н. Алексеев развивает аксиологическое направление в феноменологии, активным разработчиком которого выступает Макс Шелер [16, С. 52]. Реальное справедливое общество, по мнению Н.Н. Алексеева, есть общество, построенное на правильном соотношении благ, — соотношении, в основе которого лежит как образец идея справедливости [3, С. 116].

Отсюда Н.Н. Алексеев выводит решение вопроса о т.н. формуле справедливости. «Такая формула даётся всем учением о системе ценностей и их иерархических отношениях, но, само собой понятно, такая формула не даёт никакого ответа на вопрос об общественном идеале. Идеал общественной справедливости есть конкретное отношение реализованных ценностей. Процесс реализации во времени есть не идеальный, а чисто исторический процесс со своей особой исторической закономерностью. Он подчиняется не законам идеальной необходимости, но чисто опытным законам истории. Отсюда с неизбежностью следует, что в порядок справедливости вносят элементы чисто фактического характера» [3, С. 116–117]. Н.Н. Алексеев, таким образом, подчеркивает невозможность универсального понимания справедливости, указывая на то, что она всегда кон-

кретна. С другой стороны, ученым дается и своего рода система ориентиров, от которых можно оттолкнуться для лучшего понимания справедливости.

«Общие законы общественной справедливости могут быть сведены к следующим наиболее основным положениям. 1) Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей. 2) Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей. 3) Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия. 4) Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства присущей каждой из ценностей. 5) Отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности» [3, С. 117]. Из этих положений вытекает, во-первых, то, что Н.Н. Алексеев на данном этапе не наполняет понятие справедливости каким-то определенным социокультурным содержанием, а подчеркивает его содержание в качестве соразмерности. Во-вторых, он определяет справедливость через соотношение ценностей, это соотношение определяется местом конкретной ценности в системе ценностей, а также равновесием ценностей. При этом, в-третьих, отношения ценностей определяются мерой их достоинства, и в-четвертых, они составляют порядок солидарности, существующий в социуме.

Непосредственно же идею справедливости Н.Н. Алексеев рассматривает с точки зрения её возможных носителей и с точки зрения её воплощений. «Воплощаться справедливость может прежде всего в личности, — оттого она и является одной из добродетелей. С точки зрения носителя справедливость есть личная ценность. Но в то же время носителем справедливости может быть также и коллектив, — общество, например, или государство... Но понятие «справедливое государство» имеет и другой, не только личный, смысл. Быть носителем справедливости не только означает «быть способным к добродетели», но также и «обладать особой структурой», «быть особо устроенным», соответствовать особому объективному порядку. «Справедливое государство» не столько есть излучающая из себя добродетель личность, сколько образец объективного социального устройства» [3, С. 117-118].

Вопрос о «справедливом государстве», затронутый Н.Н. Алексеевым в приведенном фрагменте, более подробно разрабатывается им в трудах евразийского периода творчества. Как пишет Ю.И. Скуратов, справедливую социальную политику «может обеспечить государство, реально выражающее волю народа и способное опереться на его поддержку (общенародное демократическое государство), а также гарантирующее суверенитет народа в экономической сфере и обеспечивающее

высший уровень духовного развития общества», чему соответствует «предложенная евразийцами модель гарантийного государства» [14, С. 101]. «Гарантийное государство, — отмечает Н.Н. Алексеев, — отличается тем, что в нём обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений» [2, С. 373]. Как видим, в статье «О гарантийном государстве» идея справедливого государства как образца объективного социального устройства получает дальнейшее развитие и уточнение.

Для структурирования справедливости Н.Н. Алексеев отталкивается от идеи отношения. Он, во-первых, рассматривает в качестве основания для идеи права порядок общественной справедливости, представляющий собой сосуществование реализованных ценностей на почве общего взаимного признания. Во-вторых, высказывает идею об интеллектуальном характере правовых ценностей, в т.ч. через понятие признания, по сравнению с эмоциональными нравственными ценностями, является одной из ключевых идей философии права мыслителя. В-третьих, поднимает проблему иерархии ценностей, в рамках которой он относит нравственные и религиозные ценности, основанные на любви, к ценностям более глубокого порядка, тогда как справедливость по отношению к любви имеет характер ценности более низкого порядка, и выступая основой общего сосуществования различных ценностей, является ключевым элементом существующего общественного правового порядка [3, С. 118].

Вопрос о связи справедливости с определенной общественной (базисной) структурой подробно рассматривается Джоном Ролзом. «Базисная структура — это публичная система правил, определяющих схему деятельности, которая приводит людей к совместным усилиям для произведения большей суммы выгод и приписывания каждому признаваемых требований в дележе продукта. Человек опирается на то, что публичные правила говорят ему по поводу своих действий, а правила зависят от того, что он делает. Получающееся распределение есть результат выполнения требований, определяемых тем, что человек решает делать в свете этих законных ожиданий» [13, С. 85]. Хотя в данном случае имеется ввиду экономически обусловленная структура, и в целом трудно отнести Н.Н. Алексеева и Джона Ролза к одному направлению политико-правовой мысли, но сам поход интерпретации справедливости через отражение структуры общественных отношений позволяет сосредоточить внимание именно на юридической стороне этого явления, имеющей некоторую обособленность от стороны нравственной.

Далее Н.Н. Алексеев переходит к соотношению справедливости и права со смежными феноменами аксиологического характера. «Едва ли можно сказать, что наука, будучи признанной правовой ценностью, проявляет свой «эгоизм», обуздание которого и составляет существо соответствующих правоотношений. Или, что право «обуздывает» эгоизм искусства или религии. С значительной натяжкой можно применять также к правовым явлениям в их целом и идею свободы, также тесно связанную с идеей личности. В некотором смысле она применима к защищаемым правом культурным благам, и выражения: «свобода науки или искусства», представляются довольно обычными. Однако менее обычно говорить о «свободе» какого-либо признанного правом предмета или вещи, например храма, статуи или хозяйственного блага. Право менее всего защищает их «свободу», так как никакой свободой они и не обладают. Также вполне не соответствующей праву нужно признать и идею равенства... Мы говорим об идее материального равенства, ставшей неотделимым составным элементом современного, весьма искажённого правосознания. Ценностные отношения по существу своему, как мы видели, иерархичны, и поэтому идея равенства менее всего к ним подходит. ... Думать, что все ценности равны, значило бы просто не понимать внутреннего смысла идеи ценности. Оттого правовой порядок, основанный на отрицании степеней ценностей, и стремящийся вменить каждому равное, был бы просто искажением идеи справедливости. Из различных видов ценностей более всего на равенство может притязать личность в смысле носителя возможных актов или деятеля. В этой стихии чистых возможностей поистине все равны, ибо никто не может изведать тех тайников личной души, из которых проистекают добро и зло... Но если мы перейдём к материальному содержанию личности, к её проявившимся нравственным и духовным качествам, то о каком же равенстве можно здесь говорить? Если право признает ценность известных добродетелей, разве оно не должно считаться с их степенями? Также бессмысленно настаивать на идее равенства и в области чисто технических ценностей... И наконец, различные культурные блага не могут быть по существу своему вполне равными, и только справедливое признание степени их ценности сообразно и соответствует идее права» [3, С. 118–119].

Иерархия ценностей и признание справедливого их соотношения, исходящего из этой иерархии, составляет суть приведенного соотношения феноменов, рассмотренных Н.Н. Алексеевым. Эгоизм правом должен быть обуздан, свободу мыслитель в качестве правовой ценности понимает как свободу духовную, обеспечивающую право человека на внутреннее духовное развитие [1, С. 317], и именно в контексте такого понимания свободы он рассматривает равенство применительно к праву как равенство личностей в обеспечении им возможностей

духовного внутреннего развития. Сопоставимую позицию занимает, например, И.А. Ильин, рассматривая основу здорового правосознания [6, С. 232]. При этом не отвергается и формальное равенство, выступающее одной из основ современного правопорядка. Фактическое же равенство отвергается как невозможное и утопичное в связи с тем, что существующие в обществе ценности имеют иерархичный характер.

Достаточно близкое по смыслу понимание идеи справедливости можно встретить у В.П. Малахова. «Справедливость заключена, в числе прочего, в иерархии, в согласии конкретного с более общим или высоким... Справедливость сопряжена не с равенством, а с порядком ценностей. Справедливость есть не распределение поровну, а признание предпочтения (ввиду ценности или индивидуальности). Справедливость существует и возможна только при условии иерархизованности ценностей и равноценности разных уровней» [9, С. 213]. Напрашивается аналогия с традиционным делением справедливости на уравнивающую и распределяющую, при этом и Н.Н. Алексеев, и В.П. Малахов подлинной справедливостью считают именно распределяющую. В литературе указывается, что «распределяющая справедливость как принцип означает деление общих благ по достоинству, соразмерно и пропорционально вкладу и взносу того или иного члена общества, при этом возможно как равное, так и неравное надделение соответствующими благами, критерием уравнивающей же справедливости выступает арифметическое равенство» [15, С. 269]. При всей схожести взглядов Н.Н. Алексеева на справедливость как на справедливость распределяющую, надо отметить, что он акцент ставит не на противопоставлении указанных видов справедливости, а на поиске такого понимания этого феномена, которое можно было бы считать его правовой трактовкой.

Отдельно рассматривает Н.Н. Алексеев категорию интереса в её соотношении со справедливостью и правом. «Интерес есть вообще жизненное проявление ценностного значения. В этом широком смысле можно сказать, что интерес является моментом права — причем не права положительного, но известной части правовой структуры, именно, правовых ценностей» [3, С. 119-120]. Можно увидеть, что происходит переход через категорию интереса к общим чертам в части соотношения понятий и феноменов, стоящих за ними, с идеей права и справедливости.

Положительный смысл соотношения справедливости с другими категориями у Н.Н. Алексеева прослеживается в следующем. «Чтобы формулировать производные понятия, вытекающие из идеи справедливости и с нею связанные, нужно освободить вышеназванные понятия эгоизма, свободы, равенства и интереса от их узко личного характера... И, в частности, идея права

вовсе не предполагает свободу лица... но множественность родов ценностей и, следовательно, множественность путей их реализации, множественность путей совершенства... Этот ценностный плюрализм составляет необходимую предпосылку идеи права. Если угодно, он предполагает идею свободы, но совсем в особом смысле слова. Он обнаруживает признание бесконечной свободы в путях приближения к высшему существу. Такая свобода есть идея гораздо более широкая, чем внутренняя или внешняя свобода в современной философии права. Пути совершенства множественны, а потому и свободны. Каждый из этих путей, становясь реальной силой, требует признания на своё существование. Он «имеет право» на осуществление и на жизнь. Признание этого права соответствует справедливости. Справедливость требует далее, чтобы каждой ценности причиталось её достойное. Достоинство и честь суть необходимые предположения справедливости, — и не даром то мирозерцание, которое не знает и не ценит этих идей, является мирозерцанием неправовым по преимуществу... Идея справедливости в качестве первичной и наиболее глубокой своей предпосылки предполагает не идею равенства, но идею иерархии. Только равному по достоинству может быть причитаемо равное, неравное же предполагает неравное» [3, С. 120]. Ценностный плюрализм, свобода в движении к абсолюту и соизмеримость ценностей по их достоинству, т.е. иерархия ценностей — вот основа идеи права и справедливости исходя из выше приведенных рассуждений Н.Н. Алексеева.

Наконец, мыслитель отдельно рассматривает соотношение нравственного и правового в понятии о справедливости. «Поскольку право имеет дело с внешними отношениями между людьми и поскольку оно совпадает с областью внешних норм, постольку оно может совершенно игнорировать внутреннюю духовную жизнь членов правового союза... И такая точка зрения очень часто бывает справедливой для положительного права и для возникающих в его границах правовых отношений. Не отказываясь принципиально от воздействия на внутреннюю стихию души, положительное право считает в то же время это воздействие вовсе не необходимым. Практические требования жизни иногда вынуждают позаботиться и о душах, но в общем без этой заботы можно вполне обойтись» [3, С. 121]. При этом сам Н.Н. Алексеев не разделяет такую точку зрения на соотношение морального и юридического в идее справедливости.

Он отталкивается от понятия о «нормальной правовой системе». «Сомнительно, пишет мыслитель, чтобы такое соотношение между внутренним и внешним имело место в нормальной правовой системе, и чтобы оно соответствовало идее справедливости. Раз носителем этой идее может быть не только «целое», но и отдельные лица, очевидно, между этими двумя стихиями должно существовать какое-то соответствие. Нормальная пра-

вовая система должна предполагать, что установленный ею объективный порядок справедливости находит какое-то отражение во внутренней духовной жизни членов правового общения, что этот порядок согласуется как-то с справедливостью как внутренней добродетелью... В нормальной и здоровой правовой системе внешнему статусу справедливости должен соответствовать внутренний статус добродетели. И мы думаем, что ошибочно называть его минимумом нравственности. Внутренняя справедливость есть самостоятельная стихия, представляющая совокупность своих особых отношений и связей» [3, С. 121]. Н.Н. Алексеев приводит здесь в пример семью, которая по нравственному своему существу есть союз, основанный на любви, то есть чисто нравственный союз, но в его пределах имеются явления, из существа любви не вытекающие [3, С. 122].

Интересно в сравнительном плане в связи со сказанным привести позицию В.П. Малахова в контексте структурных элементов правосознания. «В своей содержательной существенности и противоположности равенству справедливость является всеобъемлющей установкой права, но не может считаться его непосредственным регулятивным импульсом. Из сказанного становится ясным, что идея справедливости целиком принадлежит моральному сознанию, является его очевидностью, непосредственно выражает его сущность и специфику. Тот факт, что соображения справедливости в правовых отношениях присутствуют повсеместно и постоянно, говорит лишь о реальной переплетённости различных форм социально-духовной организации жизни людей» [8, С. 362]. Думается, однако, что позиция

Н.Н. Алексеева, выделяющего в идее справедливости и морально-нравственный (добродетель), и собственно юридический (правопорядок) аспекты или стороны, более емко показывает реальное значение названной идеи в правовой сфере. И хотя такая «компромиссная позиция», по мнению Б.В. Назмутдинова, делает идеи Н.Н. Алексеева уязвимыми для критики [11, С. 194], однако же с задачей показать самостоятельность права по отношению к нравственности и, в то же время, их взаимосвязь, она вполне справляется.

Итак, Н.Н. Алексеев основывает суть идеи справедливости на понятии об иерархии, в которой каждому члену принадлежит своё место и каждому причитается то, что ему принадлежит. Идеал общественной справедливости есть конкретное отношение реализованных ценностей, это отношение определяется их сосуществованием на почве общего взаимного признания, а признание основано на необходимых предположениях чести и достоинства. При этом названное отношение носит не математический, а духовный, личностный характер: достоинство ценностей определяется внутренними переживаниями. Также нужно учесть, что по Н.Н. Алексееву правовое измерение справедливости не есть измерение через минимум нравственности, а, наоборот, нравственное и правовое измерения сосуществуют как бы параллельно, но каждое отвечает за свой участок. Их участки ответственности определяются степенью духовной глубины и глубиной усвоения в человеческой личности. В связи с чем необходимо отдельно рассмотреть вопрос о соотношении права, морали и нравственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // в кн. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А.Г. Дугин, Д.А. Тараторин. М.: Аграф, 2003.
2. Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // в кн.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М.: «Аграф», 2003.
3. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юридический институт, 1998.
4. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и её ближайшие задачи // в кн. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А.Г. Дугин, Д.А. Тараторин. М.: Аграф, 2003.
5. Гранкин С.М. Принцип социальной справедливости в философском наследии Н.Н. Алексеева: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.11. СПб., 2011.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания // в кн.: Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.
7. Кожевников В.В. Теория государства и права: учебник: в 2 ч. Ч. 2. М.: Проспект, 2021.
8. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2001.
9. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
10. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004.
11. Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: Политико-правовые аспекты классического евразийства: монография. М.: Норма, 2017.
12. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2016.
13. Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
14. Скуратов Ю.И. Евразийская парадигма России и современные проблемы её конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2021.
15. Философия права / под ред. О.Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2005.
16. Шелер, Макс. Мысли о политике и морали. О национальных идеях великих наций / пер. с нем., прим. и комм., сопровод. статья А.Н. Малинкин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.

© Куликов Егор Алексеевич (kulikoveg@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»